

Тая Найдено

Запах чаек и моря крик

* * *

В голодный год, в тяжелый темный год
Я выдумала это наперед:
Твои глаза, твой запах, голос, руки.
Не то чтобы от злости или скуки,
Но чтобы верить – кто-нибудь придет.
Как люди в маслянистой темноте,
От страха первобытного вспотев,
Выдумывали грешным делом бога,
Так я тебя рисую понемногу,
Таким, чтоб ты одну меня хотел.
Но бог, который выдуман в аду,
Приносит только новую беду.
И ты меня, конечно, искалечишь.
А боль – не повод не идти на встречу.
Я опоздаю. Но приду, приду.

* * *

Голос с небес говорил: «Не ссы!
Прорвешься, ядрена мать!
Вот тебе злые глаза, чтоб псы
Боялись тебя догнать.
Вот тебе средство от глупых змей –
Собственный горький яд.
Вот тебе вера. Ее не смей

Тратить на все подряд.
Вот тебе мама. Она умрет.
Что ты грызешь губу?
Это хороший сюжетный ход –
Лица родных в гробу.
Вот тебе правды пустой сундук –
Вечно его стеречь,
Дети, кастрюли, долги, супруг
И голова до плеч.
Вот тебе серая горсть монет –
Старый Иудин долг.
Вот тебе мысль, что Бога – нет».
И навсегда умолк.

* * *

В этом кошмаре дети играют в прятки.
Школа взлетает на воздух, они – внутри.
Черная женщина шепчет свои загадки,
Белый мужчина стреляет на «раз-два-три».

Пули, они же – дуры, они же – дети,
Плавно уходят в воду, она же – плоть.
Город свивает кольца при лунном свете
И разевает пасть, чтобы нас смолоть.

Все, кто спасать умели, ушли в разведку.
Или пьяны настолько, что им плевать.
В сонные спальни тихо вползают ветки
Линий трамвайных и тихо ползут в кровать.

В этом кошмаре все умирают сразу.
Некому плакать, а значит – и горя нет.
Белый мужчина уйдет, не пальнув ни разу.
Черная женщина даст, наконец, ответ.

* * *

Как моряк, эту пристань опять покидающий, –
Слишком здешний песок горяч, –
Я уже не спрашиваю «куда еще?..».
Я не плачу. И ты – не плачь.

Как отец, что ребенка на фронт отправил, но
Ухватил за одежды край,
Я хотела бы знать, что решила правильно,
Но не знаю. И ты – не знай.

Ветер волосы вьет и гудит встревоженно,
Солнце жалит, как жадный змей.
Разве я не хотела бы счастья? Может быть.
Но не смею. И ты – не смей.

* * *

Мамочка, говорит она, мама. (Я ей не мать.)
Доченька, окликает, дочка! (А я – молчок.)
Дай, говорит, на минутку тебя обнять,
Что же ты, внучка, верткая, как волчок!

Милая, говорит, родимая, ты кровишь!
Дай, говорит, обмою, наложим шов!
Все еще, говорит, наладится, мой малыш!
Глазки закрой – и ладно, и хорошо...

Простыни ее – как у мамы – свежи, чисты.
Ставни закрыты. Вздремнуть – и тоска пройдет.
С праздником, говорит, моя сладкая! Вот цветы.
Влажной землей забивает глаза и рот.

* * *

Давай лепить из тумана нелепицы
Одна безумней другой.

Как будто ты очень хочешь встретиться,
А я к тебе – ни ногой.

И ты крадешься за мной по улицам
В очках и черном плаще,
И так тоскуешь, что небо хмурится,
А то и плачет вообще.

Или – представим – мы на задании,
Где сотни скрытых угроз.
А ты почти теряешь сознание,
Касаясь моих волос.

Десант секретный с подводной лодки мы,
Нас ищут, и враг жесток.
А ты моими оклеил фотками
Все стены и потолок.

А можем строже, а можем проще мы.
Представь немое кино:
Скалистый берег, покрытый рощами,
Вулкан, угасший давно,

И будто мы с тобой – отражения
В одной и той же реке.
И ты во мне лежишь без движения.
И сом скользит вглубоке.

* * *

Был запах моря и крики чаек.
Стал – запах чаек и моря крик.
Какого черта я так скучаю,
И жизнь – как форма – уже впритык?

И жизнь – как ферма: дерьмо и клетки.
На верхних чище, внизу – тепло.

И жизнь – как фирма: держи в секрете,
Кто сколько стоит. Терпи, трепло.

И жизнь – как ширма: уже кричащий
Рисунок выцвел, и в щель сквозит.
За ширмой – море. И страшный ящер.
И смерть. И мама. И чудный вид.

* * *

Здесь даже сдохнуть – не значит поставить точку.
Здесь даже смерть не доказывает правоты.
Скачет по кочкам в розовых, мать, чулочках
Царь мой из детства. Успеть бы – до темноты.

Раньше я знала – «все заживет до свадьбы»,
Сказки читала про принцев и королев...
Этот стишок, не состарившись, дописать бы,
Эту весну дотянуть бы, не повзрослев.

Вышла из детской, чтоб добежать до спальни.
Вот обернулась – а хода обратно нет.
Мама, ты слышишь? Повести нет печальной:
Мне уже тридцать лет. Я умру в обед.

Каждый мальчишка – при кошельке и брючках.
Каждой девчонке – мальчик при кошельке.
Мы заигрались, мама, дошли до ручки.
Как бы начать все заново, налегке?

Рвали мы глотки, драли луженые глотки,
Выцедили всю ненависть, до глотка.
Вот бы обратно: «Мама, зашей колготки!
Мама, мне эта курточка велика...»

Чтобы спросонок слышать – звенит посуда,
Завтраком пахнет, блинами, к столу зовут.

«Мама, я этот суп доедать не буду...»
«Мамочка, пять минут!.. Еще пять минут».

Я ведь могу рассказать себе сказку, да толку?
Страшные вести из детства несут гонцы.
В сказочной роще детей доедают волки.
В маминой сумочке кончились леденцы.

* * *

Супермен проживает в Одессе. Вторую осень
Уклоняется он от призыва. Под психа косит.
Бродит тихо по центру, бородой заросший, как леший.
Ляля часто встречает его в переулке Олешки.

Ошалевший и бледный, как будто после наркоза,
Он несет свой нелегкий жизненный груз с Привоза:
Творог, экзистенцию, ужас, свежую рыбу,
Благодарность, что с ним не сделали все, что могли бы.

Рядовой одессит, с обычной пропиской одесской,
Выдает его только плащ с полустертой S-кой.
А еще он, бывает, летает, но это не часто,
Так как после полетов бывает особо несчастным.

Я встречаю его вечерами, бредя с бизнес-центра.
Он негромко всегда окликает, почти без акцента.
Он немного противен, как всякий, кто сломан миром,
Но, как прежде, прекрасен. Был в детстве моим кумиром.

С голубыми глазами, расширенными от дури,
Он рассказывает о друзьях. «Бэтмен вот в Сингапуре...
Человек-паук не звонит... Кэт погибла в мае...
Нам же вас не спасти, понимаешь?..» Я понимаю.

Он распахивает полы крутого плаща
И уносится вверх, сам себе снаряд и праща.

А я пока не могу. И не то чтоб особенный груз.
Город шепчет «Останься...»
И я всегда остаюсь.

* * *

Мертвый поэт, везущий в багажнике собственный труп.
Мимо проносятся трубы, заводы. Пейзаж изгажен.
Спрашивает о чем-то, не размыкая губ,
Не обернувшись даже.

И ты иступленно клянешься жить не по лжи и ловить во ржи,
И что там еще... И пульс заходится в бешеной сальсе.
Но если ты в этом салоне, если ты – его пассажир,
То уже подписался.

Мертвый поэт поправляет мятую шляпу, жмет на газ.
И ты понимаешь: – Да, сука, бойтесь!
Не доверяйте нам, не спускайте глаз,
Потому что мы по-любому сумеем значительно лучше вас.
В том числе и по-скотски.
Это – мой Бродский.

